

ЗЕМНОВОДНЫЙ КРУГЪ.

(Библиографическая справка).

Трудно жилось русскому человѣку въ XVII вѣкѣ. Съ востока и запада враждебно окружали его иноземцы, возбуждая его крайнее недовѣріе,—чуждые ему по вѣрѣ, по образу жизни, по языку, непонятные въ своемъ общественномъ устройствѣ,—всегда могущіе то угрожать силою, то дѣйствовать хитростью и коварствомъ. Противъ всѣхъ надо было быть насторожѣ и сторониться отъ нихъ. Поэтому личныя свѣдѣнія людей Московской земли о чужихъ странахъ были крайне скудны и поверхностны. Еще болѣе недостаточны и въ значительной мѣрѣ фантастичны были свѣдѣнія научнаго характера, преимущественно изъ области космографіи. Хотя царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ и была дана въ 1639 году Олеарию грамота о томъ, что «вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо паучень и павыченъ въ астроломіи и географуе, и небесаго бѣгу, и землемѣрю, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ», но еще сорокъ лѣтъ спустя Семеонъ Полоцкій писалъ, что видимый міръ состоитъ изъ естества небесъ и естества стихійнаго, небеса же суть троякія: небо эмпирейское въ 428,000 верстъ, небо кристалльное и затѣмъ твердъ, на которой водружены звѣзды и планеты и т. д.

Какія космографическія и политико-экономическія понятія были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, видно изъ того, что тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвнчьемъ»,—жителиницы котораго сходятся съ году на годъ: мужской полъ отдають Эоіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляють»,—о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ «лицо дѣвическое, до пула челоуѣкъ, а отъ пула хоботъ змѣевъ, крылаты, а зовомы василиски»,—«о людяхъ Астромовехъ, кои жвуть въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обоихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего и отъ яблокъ лѣсныхъ, а пѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣсть у нихъ запахи есть, по та мѣста и живуть,—и о людяхъ «Моноку-ляхъ обѣ одной ногѣ, а коли и солнце печеть и они могутъ покрытися ногою, какъ лапоі» и т. д.

Въ этого рода сочиненіяхъ описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію «дивныхъ людей», да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большою краткостью. Такъ французы оказывались, «зѣло храбры, по невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много», жители «королевства агленскаго—нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и доктуроваты, а пьютъ много», а люди королевства польскаго «величавы и обманчивы,—пьютъ зѣло много, платья носятъ зѣло цвѣтно и всякимъ слабостямъ покорны, а вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель».

Отчеты и статейные списки служилыхъ людей, посылаемыхъ въ чужестранныя земли въ XVII вѣкѣ, отличаются лишь свѣдѣніями, почерпнутыми изъ вѣстной наблюдательности, лишенной анализа, или принятыми на вѣру данными сомнительнаго достоинства. Примѣромъ можетъ служить отчетъ посольства къ Алтынъ-царю (Монголія) казаковъ Тюменева и Петрова въ 1617 году. Посламъ въ числѣ пяти человекъ предписано было давать поденнаго корму «на человекъ въ день по два калача да говядины какъ имъ можно сытымъ быть, да пштыя всѣмъ вопче по тринадцать чарокъ вина, три ведра пива и ведро меду». Они доносили между прочимъ: «а на завтрае того дни ѣли мы у Алтынъ-царя, а царь передъ нами государю шертвоваль по своей мусулской вѣре: подымаль на руки бога своего честна. А богъ у нихъ вылить въ золоте, что робепочекъ невеликъ, а царь говорилъ, что у нихъ толко и вѣры, что они боговъ своихъ поднимаютъ и имъ кланяются, а не прикладываютца. А на отпуске далъ имъ царь своего жалованья по три копя да одному изъ нихъ далъ дѣвку и та у него дѣвка въ дороге у Сали Вычегодцкой умерла, а везъ онъ ѣе к Москве, да имъ же далъ по шубе боранье опушены соболье». Такъ въ другомъ отчетѣ въ 1697 году рассказывается, что около Сициліанскаго острова стоитъ гора Струмболій, на верху которой непрестанно горитъ огонь, а въ горѣ, по словамъ жителей, обиталище дьяволамъ, а также, что въ Венеціи у сенатора много натуральныхъ вещей и въ томъ числѣ каменные раки отъ патуры великіе, курица о четырехъ ногахъ и василскъ, который можетъ умертвить человекъ зрѣніемъ. Съ начала XVIII столѣтія поѣздки русскихъ людей въ Западную Европу становятся чаще, но вниманіе путешественниковъ въ первое время, главнымъ образомъ, обращается на явленія природы и на то, что «преудивительно» поразило ихъ взоръ своимъ несоответвіемъ видѣнному на родинѣ. Ихъ, между прочимъ, приводитъ въ удивленіе «предивной работы божница, во имя поганскаго бога Венуса и поганской богини Діаны и Меркурія, коимъ припосилъ жертвы проклятый Неропъ и за ту свою къ нимъ любовь купно есть въ пеклѣ». Также удивляютъ ихъ «въ спиритусахъ бальзамныя младенцы въ скляшцахъ стеклянныхъ и плаваютъ въ томъ спиритусѣ и стоятъ такъ хоть тысячу лѣтъ, не испортятся, а также разныя животныя также въ спиритусахъ—крокодилы малые и ехидны и мартышки не токмо здѣшнихъ европейскихъ, но наипаче оріентальныхъ, остинскихъ и вестинскихъ государствъ». Путешественники во многомъ затруднялись незнаніемъ мѣстнаго языка, а также трудностью пути, при чемъ имъ приходилось «видѣть много смертныхъ страховъ отъ зѣло прискорбпаго и труднаго нути, отъ безмѣрно многога камня остраго по дорогѣ самой тѣеной среди безмѣрно высокихъ каменныхъ горъ». Поэтому подробностей о внутреннемъ политическомъ устройствѣ, характерѣ народа и его вѣрованіяхъ почти не встрѣчается, кромѣ нѣкоторыхъ,

замѣчаній относительно женскаго пола и развлеченій въ театрахъ и на ярмаркахъ. Такъ, «народъ женскій въ Венеци зѣло благообразенъ и строевъ и политиченъ, высокъ, тонокъ и во всемъ изряденъ, а къ ручному дѣлу не очень охочъ, больше заживаютъ въ прохладахъ. Венеціане же люди умные, политичные и ученыхъ людей зѣло много: однакожь нравы имѣютъ видомъ не ласковые, а къ прѣзжимъ иноземцамъ зѣло пріемны. Между собою не любятъ веселиться и въ дома другъ къ другу на обѣды и вечера не съѣзжаются, и народъ самый трезвый, никакого человѣка ни гдѣ отнюдь никогда пьянаго не увидишь, а штей всякихъ, винъ виноградныхъ разныхъ множество изрядныхъ, также розолнновъ и водокъ анисовыхъ изрядныхъ изъ винограднаго вина сытенныхъ много, только мало ихъ употребляютъ, а больше употребляютъ въ штыяхъ лимонадовъ, симады, кафы, чекулаты и иныхъ тому жъ подобныхъ, съ которыхъ человѣку пьяпу быть невозможно».

Свѣдѣнія такого рода и имъ подобныя, конечно, съ трудомъ могли проникать въ общество и не служили ему на пользу. Съ этимъ, однако, не могъ примириться этотъ «работникъ вѣчный на тронѣ», кто «не презиралъ страны родной, но зналъ ея предназначенье» и «самодержавною рукой» въ ней «смѣло сѣялъ просвѣщенье». Поэтому въ 1719 году въ Москвѣ выходитъ нынѣ чрезвычайно рѣдкая и мало извѣстная книга подъ названіемъ «Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатано, а нынѣ повелѣніемъ великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Перваго, всероссійскаго Императора, при наследственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на россійскомъ напечатано въ Москвѣ».

Книга эта, удовлетворяя любознательности русскыхъ людей, призванныхъ Петромъ Великимъ къ болѣе широкому кругозору, является интересной еще и потому, что представляетъ собою характеристику взглядовъ современнаго Петру западно-европейскаго образованнаго общества на различныя историческія явленія и бытовыя стороны жизни.

«Описаніе земноводнаго круга» отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на раменахъ своихъ міръ, по борту ея надпись «несу всехъ носящо, старъ сый толь тяжкое бремя, се зрящъ, всякъ учися—не тратъ всеу время». Вторая, съ надписью «европы описаніе», изображаетъ женщину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано «сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница». Гравюра «описаніе Азии», изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью «Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесъ, при лучшихъ не столь стала явна», «Африки описаніе»—съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ—сопровождается надписью «Аще и подъ солнцемъ, но черпа есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ». Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя никовъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки—повѣствуетъ, «что пользуется снмъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства».

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на «предъ-уготовленіе на географію» и на отдѣлы, называемые—ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава «о глобусѣ», содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о возвращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. «Солнце причиняетъ день, а понеже на свѣтѣ день и ночь мѣняются того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т.-е. съ твердію небесною, или земля движутся. Еже ли по человѣческому уму разсуждать, то, кажется, имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ духовной челобѣтъ въ Фрауенбургѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе приемиютъ и оному послѣдуютъ. Между тѣмъ понеже именпо въ священной библии написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный дацкій математикъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихопискому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается».

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ—какъ раздѣляется Италия? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ *сап ога* остаться, а сапогъ раздѣляется на три части: верхняя—гдѣ отвороты, средняя—голепища и нижняя—ступень.

Яганъ Гибперъ, авторъ этого «Земноводнаго круга»—особенно интересуется правами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отмежеваться отъ области «политики», «исторіи» и «генеалогіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, при чемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, перѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры—чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и къ настоящему времени. Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ *французовъ* въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, «*Какія жители обрѣтаются во Франціи?*»—«*сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поснѣжны, въ войнѣ высокоумны, храбры и скоропостижны,—къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы,—въ платьѣ перемѣнны и замысловаты,—въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ скорую резолюцію*». Если отбросить стертую рукою исторію «вѣрность своему королю» и не поставитъ на счетъ храбрости французовъ ихъ поражений въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ» политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію»—то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ

французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описание земноводнаго круга» относится съ ббльшею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о «состояніи жителей г и ш п а н с к и х ъ» указываетъ, что у «оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того хулятъ ихъ гордость и лѣбнество», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился» и что, наконецъ, «проѣзжія люди и иностранцы—корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ:—«между гишпанцами и французами природная ли или обыкшая антипатія состоитъ—о томъ еще и донынѣ диспутуется». Но что стоитъ виѣ спора, это—экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, говорится въ другомъ мѣстѣ...), а отчасти за н е в р е м е н н о ю л ю б о в і ю, также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являються» ... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость, для того говоритца ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обонмъ королевствамъ пужды не было». Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разѣли организмъ богатой и когда-то вполне культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, происходило среди народа «нимѣющаго скорую резолюцію» по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католичскую, чего ради нѣкоторые отреклись вѣры, дабы избѣить мученія, нѣкоторые же до смерти замучились, а многія оставя имѣшіе свое и пожитки поѣхали въ швейцары, въ голландію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ северскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ калвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религиозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы» и «французы» служатъ мѣриломъ для оцѣнки и т а л ь я н ц е в ъ. «Не можно лучше итальянскаго права описать кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостью и французскою безпечальностью или веселостью». Разсаднику некудствъ и паукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія—отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искусствахъ предъ другими народами не мало превосходятъ». Но песимнатичныя свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «la vendetta é una meta ché e bisogna mangiare a freddo» (мщеніе—кушанье, которое надо ѣсть холоднымъ), не ускользаетъ отъ автора. «Имъ (т.-е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ, ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также и превеликое преступное

злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде сего отъ бандитовъ или разбойниковъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому, какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взглядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи), пользуется излюбленная Петромъ Голландія. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ только кораблей не обрѣтается сколько въ семъ маломъ государствѣ находится. И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и с а м о ж е л а т е л е н ъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ необъятномъ купечествѣ не покидаютъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ». Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, «кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояши,—ио также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и п о р о к а м ъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли». Не менѣе голландцевъ нравятся автору и населеніе Г р а у б н д е н с к о й земли (Граубюнденъ), гдѣ «зачинается рѣка Ренъ» и гдѣ «жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются яко бы изъ стараго свѣта остались»,—при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, «понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивые побои». А н г л і и посвящено въ «Земноводномъ кругѣ» много отвѣтовъ, въ которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, донынѣ раздѣляемый большинствомъ «благодѣтельныхъ» англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полного государственнаго разложенія Британіи. «О жителяхъ Ирландіи мало добраго п и ш у т ъ,—говоритъ Гибнеръ,—кромѣ того, что они къ работѣ лѣнны, къ тому же худыя и упрямые люди и понеже англичане усмотрѣли, что невозможно закосяблаго въ нихъ нрава перемѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ірландцевъ другихъ потентатамъ поступились». Самый краткій и жестокой отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители «не гораздо добры, пбо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обыкновенно нѣкоторые дѣти отъ отца воровать, а отъ матери бл.....ть научаются».

Вопросы вѣры и государственнаго устройства весьма интересуютъ составителя «Земноводнаго круга», хотя онъ и оговаривается неоднократно, что «состоящіе правительства надлежитъ въ п о л и т и к у,—обстоятельства королевскаго дома въ г е н е а л о г і ю, а и р о т ч е е—въ г и с т о р і ю».

На вопросъ «кто государствуетъ во Франціи?»—онъ отвѣчаетъ: «Франція всегда особливаго своего короля имѣла, прежде сего королевская власть зѣло

В. М. Васнецовъ.
Единоборство Пересвѣта съ Челибеємъ.

была припуждена, когда парламенты еще въ великой чести и славѣ жили, однако, нынѣ то пресѣклось, ибо король французскій есть нынѣ самовластѣйшій въ свѣтѣ потентатъ». Даже и въ сопредѣльныхъ земляхъ, напримѣръ, въ Лотрингѣ (Лотарингін) имѣетъ французскій король свободный проходъ чрезъ всю землю, «однако безъ поврежденія жителей». Въ ныня условия поставлена королевская власть, напримѣръ, въ Польшѣ, странѣ— «которая довольно вездѣ многолюдна и шляхты въ ней есть неслыханное множество, которые къ германци и прусамъ живутъ суть учтивѣе, нежели тѣ, которыя позади на росіійскихъ и татарскихъ границахъ обрѣтаются». Когда король польскій «Яганъ Третій для своей охоты веселое мѣсто, недалеко отъ Варшавы, Виллановъ построилъ, поляки сперва не хотѣли того видѣть, ибо по основательному ихъ закону и праву король не имѣетъ ничего собственнаго содержать». Еще болѣе стѣнено и тревожно положеніе королевской власти въ Шотландіи, ибо «шкоты не такъ обходительны, какъ англичане, а особливо горскія шкоты и которыя по островамъ живутъ, поуже оныя такъ дики и нелюдимы, что обычайно они дикія шкоты называются, въ прочемъ къ бунту они склонныя англичанъ и едва не веѣхъ иныхъ народовъ охотиле; однакожь ежели учинится бунтъ, то они предъ англичаны и едва не передъ веѣми другими націями гораздо жестоко въ томъ поступаютъ».

Обращаясь къ вопросамъ о вѣроисповѣданіяхъ, «Описаніе земноводнаго круга» указываетъ, что Италия къ тому удостоена, что глава римскаго католичскаго сонмища, зовомый викарій или намѣстникъ Христовъ, непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ, однако не смотря на то нигдѣ столько легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римской вѣрѣ постонокъ не бываетъ, удивительножъ и сіе, что въ самомъ Римѣ жиды вѣру свою отправлять могутъ, а реформаторамъ того не дозволено». Оутетствіе терпимости въ католицизмѣ и его вредныя послѣдствія сказались съ особою силою въ Гишпаниі, гдѣ «веѣ сряду имѣютъ римскую католичскую вѣру», и гдѣ за 200 лѣтъ было «жидовъ и ерацынъ много, но оныя миллионами выгнаны оттолъ». Кроме того, «незадолго предъ реформаціею и духовный судъ, по гишпански инквизиціонъ называется отъ Фердинанда католика въ ішпаниі зачался, отъ котораго щастливо или больше несчастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истины никогда въ Гишпаніи просіяты не могъ».

Противоположность исключительному преобладанію католицизма представляютъ нѣкоторыя страны, въ которыхъ свобода вѣроисповѣданія и отправленія религиозныхъ обрядовъ вызываетъ у составителя «Земноводнаго круга» наряду съ сочувствіемъ и проницескія замѣчанія. Такъ въ Голландіи «начальная вѣра есть реформатская, однако, при той и ныня вѣры всего свѣта отправлять свободно, хотя нѣкоторыя изъ того числа и гораздо глупы и удивительны паходятелъ». Широкая вѣротерпимость въ Польшѣ охарактеризована такъ: «начальная вѣра есть римская, которую король и знатнѣйшія въ государствѣ исповѣдываютъ, однако и иныхъ причастники вѣръ, яко греки, соціани, реформаты, жиды, лютеры и турки не только тамо стерпимы бываютъ, но и подъ польскою обороною вѣры своя отправляютъ, а особливо жидамъ тамъ лучше удача, нежели въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ». «Удивительно,—говорится далѣе въ описаніи начальнаго города въ Литвѣ—Вилня,—что въ городѣ ономъ во вся недѣли три субботы празднуются, ибо христіане празднуютъ въ воскресенье, жиды въ субботу, а турки въ пятницу». Не осталась безъ отмѣты и узкая нетерпимость англичанъ къ

католикама. «Хотя Англія вся калвинскую вѣру держитъ, однакожь обрѣтаются между епископскими, презвитерскими, пуританами—конформитаны, не конформитаны, сепараты, индепенденты и протчія неразрѣшимыя расколы; квакеровъ и протчихъ такихъ же сумасбродовъ полоумныхъ довольно, токмо однихъ католиковъ не терпятъ». «Описание земноводнаго круга» въ разныхъ мѣстахъ отдастъ справедливость религіозной пропагандѣ католиковъ среди нехристіанскихъ племенъ Азии. Пальма первенства здѣсь принадлежитъ ордену, «зачинщикомъ и уставникомъ» котораго былъ «Игнаціусъ Лойола», проживавшій въ 1520 году въ Пампелонѣ («городъ стоитъ веселъ и добръ укрѣпленъ»), столь сильно израненный, что ему «удобнѣе было постричься, нежели жениться». Хотя Христосъ и апостолы его Евангеліе прежде въ Азии благовѣствовали, однако «жители азіатскія не смотря на то благодати такой сподобитися сами себя недостойными явили, но по пынѣ большая часть оныхъ въ махOMETACKOЙ слѣпотѣ и заблужденіи погрязли. Европейцы, а особливо езуиты зѣло до пынѣ трудились, дабы христіанскую вѣру тамо распространить, токмо, хотя посланныя ихъ много о обращеніи своемъ разглашаютъ, однако всюду тамо во утѣшеніи вѣры жить и въ разныхъ мѣстѣхъ въ книги съ мученики вписыватися принуждены бываютъ». Поэтому—временныя успѣхи христіанской пропаганды бываютъ въ Азии непрочны. Такъ, на примѣръ, въ 1685 г. французскіе іезуиты, поселившіеся въ Сіамѣ, «такъ у онаго короля себя въ кредитѣ поставили, что не только землю, но и самаго короля въ христіанскую обратить вѣру уповали, но какъ новый король вступилъ, тогда оныя тамо зѣло ненавидимы были». Такъ португальцы близъ ста лѣтъ (т.-е. въ началѣ XVII в.) «такъ зѣло въ Японіѣ усилились, что и цесаря онаго въ христіанскую вѣру обратить уповали, но голанцы не дали себя усыпить пока на португалцовъ такъ японцевъ озлобили, что въ 1626 году ихъ многія тысячи ужаснымъ образомъ за христіанскую вѣру тамо порублено, а иныя до смерти замучены, отчего христіанское имя и до пынѣ тамо противно и не терпимо»... Успѣшнѣе дѣйствуютъ духовно-рыцарскіе ордены и въ особенности орденъ «Яганскихъ кавалеровъ», которымъ принадлежитъ островъ Мальта, гдѣ «великій государь мальтійскій имѣетъ свою резиденцію и какъ достойной прпщъ себя содержитъ». Вступающій въ орденъ, повѣствуетъ авторъ, не можетъ жепшться, «при томъ же имѣетъ присягу учинить, что опой туркамъ всякій уронъ причинять тѣшится будетъ, для того у сего острова всегда нѣсколько галеръ обрѣтается, отъ которыхъ туркамъ подлинно многія чинятся досады».

Сѣверъ Европы, Россія и вѣввропейскія страны описываются въ «Земноводномъ кругѣ» значительно короче западной Европы.—Жители Д а н і и характеризуются какъ «учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ», а жители Норвегіи, какъ такіе «кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчанъ не с х о д я т с я». Швеція соприкасается съ Россіею чрезъ Л а п л а н д ъ, сирѣчь Л а п п і я ш в е ц к а, гдѣ жители «зѣло дикія и суровыя и варварскія люди», при чемъ «ради великія пустоты и не многихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикія звѣри, между которыми особливо елени знакомы суть». Жители ближайшей къ россійскимъ границамъ Финляндіи могутъ «гораздо спести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бываютъ». Не далеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей «между синусомъ фипскимъ и Ладозскомъ озеромъ», паходится и «С а н к т ъ - П е т е р с б р у к ъ, крѣпость

и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ». Хотя Москва и признается въ «Земноводномъ кругѣ» начальнымъ городомъ всей земли и столицею царскою и патріарха греческаго, по о «красотѣ и силѣ» ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ «во многихъ тысячахъ домовъ, которыя токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ згоритъ». Въ этомъ приписаніи Москвы—видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи «жители прежде сего не гораздо были некусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ инныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и обучаяся навывкали». —Съ разныхъ сторонъ Русская земля окружена татарами, при чемъ, хотя русскія границы «отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вродлинно перазмѣрены,—по новѣйшия географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычныхъ ландкартахъ означены бываютъ». «Описаніе земноводнаго круга» перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскіхъ граппцахъ и, между прочимъ, «около рѣки Тапай, гдѣ жилали древле храбрыя жепы амазоны» и даже въ Украйнѣ, недалеко отъ Кіева... «толь далеко распространилась и разѣялась сія гадина» ... Г о с у д а р е т в у Х и н е к о м у, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россіею, посвящено довольно подробное описаніе. «Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣпныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливой государь, которой хипской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хипское одному владѣтелю подвержены, которой хипской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣпою и тартаріею на 100 миль землю весьма опустошить повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамъ питатися и можетъ быть для того, чтобы его другія татары иногда такимъ же образомъ въ Хипѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ».

А ф р и к а—полна «незнаемыхъ земель» и «неудобопамятныхъ королевствъ», а также разныхъ звѣрей, какъ-то—долгихъ обзьяпъ, драконовъ, т.-е. змievъ великихъ, львовъ, слоновъ и «струсовъ» коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе «суть всюду дикія и необходимыя люди; повыше къ медитеранскому морю еще оныя отъ части бѣлая, а которыя пониже тамо живутъ, оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ веру признаются въ махометанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятся, но оныя больше христіанское имя посятъ, нежелли дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еоіопскомъ морѣ живутъ городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человеческое мясо жрутъ, въ землѣ своей называются они готентотепъ, а говорятъ языкомъ подобно какъ у насъ куры кричатъ». Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Муріпской земли или Габесини, но только «оная вѣра отъ европейской во многихъ вещахъ не сходна». Король этого

государства «отъ африканъ именуется великой негуць; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаниъ или Жанъ, но пышѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены» .

Судьбы туземцевъ А м е р и к и даютъ поводъ автору очертить, въ отвѣтѣ на вопросъ—кому принадлежитъ Америка?—безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. «Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была имѣла она въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оны умышлять какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческія короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія» .

«Земля она не подобна другимъ, а паче богата золотомъ и серебромъ (говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ впрочемъ высказываетъ мысль, что «мало тамъ каково прибутку ожидать (!) того ради о ней мало мы освѣдомы»), такъ что гишпанцы многія корабельныя флоты нагружены серебромъ оттолъ получали и ежелибъ они съ людьми той земли пріятнѣе поступили, то неисчетное бѣ богатство получили, но понеже они многіе миллионы людей немилосерднымъ образомъ погубили, того ради сами жители многія рудокопныя заводы разорили. Жители оныя были острога ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ» ...

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всеѣмъ «празднымъ и парочнымъ вымысламъ» и тщательно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства. Это его стремленіе доходитъ до того, что какъ указано выше, онъ рѣшается держаться «тихонскаго» ученія о вращеніи земли изъ осторожности, и даже, говоря о Палестинѣ, объясняетъ, что «иностраннымъ показываютъ тамо гробъ святой и католики обыкли для того часто по общапію туда ходить; токмо понеже обѣтованная земля не токмо отъ римлянъ, но потомъ отъ турокъ не единожды разорена бывала, того ради, отъ нѣкихъ сумнительно—прямой ли оной есть гробъ Христовъ?» —Только въ одномъ мѣстѣ онъ измѣняетъ своему скептицизму. «Слоны на острову Цейлонѣ, говоритъ онъ, такую имѣютъ честь, что все слоны на свѣтѣ онымъ поклоняются, когда гдѣ сойдутся» ...

А. О. К о п и.

